

Повлияла ли эпилепсия на талант великого русского писателя?

«... Вдруг раздался ужасный нечеловеческий вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. Я обхватила его за плечи и силой посадила на диван. Но каков был ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удержать. Сама я тоже опустилась, и все время судорог держала его голову на своих коленях... Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не осознавал, где находится, и даже потерял свободу речи». Так описывала в воспоминаниях Анна Достоевская приступ эпилепсии у своего мужа – Федора Достоевского. Его книги знает весь мир, но о том, что на сюжеты многих произведений, характеры героев и даже его авторский стиль повлияла болезнь, известно далеко не всем.

Болезни великих

«Берегитесь, падающая!»

Теперь трудно определить, когда Федор Достоевский впервые почувствовал, что теряет сознание, а врач заподозрил у него начало падучей. Лечащий доктор писателя С.Д. Яновский полагал, что легкие приступы эпилепсии – с кратковременной потерей сознания – стали навещать его пациента еще в юношеские годы. Сам Федор Михайлович называл свою болезнь «кондрашкой с ветерком» и до поры до времени не относился к ней слишком серьезно. Эпилепсия заявила о себе после стресса, который 28-летний Достоевский пережил весной 1849 года. Тогда его арестовали в г. Петербурге за причастность к антиправительственному кружку Петрашевского и приговорили вместе с другими смутьянами к смертной казни. Но в последний момент, когда осужденные в рубахах-саванах уже стояли на Семеновском плацу перед ротой солдат, приговор вдруг отменили. Император Николай I заменил расстрел ссылкой в Сибирь на каторжные работы. От рокового залпа до смерти Достоевского отделяли всего несколько минут, переживание их стало мощным душевным потрясением. Семеновский плац он покидал уже другим человеком – глубоко верующим и тяжело больным. На каторге легкие приступы эпилепсии сменились тяжелыми припадками – с потерей памяти, конвульсиями и судорогами по всему телу.

Прошло почти два столетия, но медики до сих пор спорят по поводу причин, провоцирующих эпилепсию. Известно, что чаще всего эта психическая болезнь возникает в результате родовых травм, повреждений головы, сифилиса, менингита, отравлений алкоголем, раковых опухолей и передается по наследству. В коре и подкорке головного мозга человека нарушаются процессы возбудимости и торможения. Практически у каждого больного развивается свой сценарий приступа и, в зависимости от пораженного участка мозга, своя локализация судорог. У некоторых появляются «кивательные спазмы» – непроизвольные наклоны головы в виде поклонов, другие вдруг стремительно убегают и где-то падают, третьи начинают судорожно глотать, четвертые запрокидывают голову и вращают глазами.

По нарастающему издалека звону колоколов, цветовым галлюцинациям, «несказанному чувству счастья» и «чувству близости к Богу» Достоевский догадывался о приближении припадка. По сохранившимся описаниям болезни писателя медики предполагают, что у него были поражены затылочная область и височная извилина. Автобиографическое описание ауры, предшествующей приступу, Достоевский вложил в уста главного героя романа «Бесы» – эпилептика Кириллова, беседовавшего с врачом:

«Есть секунды, их всего за раз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном мире не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то, что любите, о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд – то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически. Я думаю, человек должен перестать родить... К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что

в воскресении не будут родить, а будут как ангелы божии. Намек. Ваша жена родит?

– Кириллов, это часто приходит?

– В три дня раз, в неделю раз.

– У вас нет падучей?

– Нет.

– Значит, будет. Берегитесь, Кириллов, я слышал, что именно так падающая начинается. Мне один эпилептик подробно описывал это предварительное ощущение пред припадком, точь-в-точь как вы. Пять секунд и он назначал и говорил, что более нельзя вынести. Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своим рай. Кувшин – это те же пять секунд; слишком напоминает вашу гармонию, а Магомет был эпилептик. Берегитесь, Кириллов, падающая!»

Гениальность или симптоматика?

Как правило, припадки повторялись не так уж и часто – 2-3 раза в год, но в трудные для Достоевского годы могли наступать один за другим, выбивая из колеи по несколько раз в месяц. Чаще всего падающая наступала его после волнений, аффектов или нравственных потрясений. По описаниям очевидцев, в начале приступа лицо писателя краснело, покрывалось пятнами, тело охватывали судороги, он терял память. После припадка ощущал боли в мускулах, кратковременную эйфорию и просветление, затем наступал тягостный период провалов в памяти, мрачного настроения, повышенной мнительности, раздражительности и чувства греха. Иногда после приступов Федор Михайлович обнаруживал вокруг листы исписанной каракулями бумаги. И еще два-три последующих дня чувствовал себя совершенно разбитым. Друг писателя, литератор Михаил Соловьев, так описывал состояние Достоевского после припадка:

«Его нервы оказывались до того потрясенными, что он делал совершенно неменяемым в своей раздражительности и странностях. Придет, бывало, ко мне, как черная туча, иногда даже забудет поздороваться, и изыскивает всякие предлоги, чтоб побраниться, обидеть, и во всем видит себе обиду, желание дразнить и раздражать его...»

К патологическим симптомам болезни писателя медики относят также приступы патологического страха смерти и боязнь погрузиться в летаргический сон. Засыпая, он иногда оставлял записку: «Сегодня я впаду в летаргический сон. Похороните меня не раньше, чем через пять дней».

Со свойственной больным эпилепсией педантичностью и обстоятельностью Достоевский анализировал свое состояние, записывал даты приступов и болезненные ощущения. Подобные заметки можно даже отыскать в опубликованных «Дневниках писателя»: «Все, что было со мной до первого припадка, каждый мельчайший случай из жизни, каждое лицо мною встреченное, все, что я читал, слышал, – я помню до мельчайших подробностей. Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал близко, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги. Когда дописывал «Бесы», то должен был перечитать рукопись сначала, потому что не помнил даже имен действующих лиц».

Удивительно, но Федор Михайлович как будто не тяготился своим недугом, не считал нужным умалчивать о нем. Будущей жене Анне Григорьевне он сообщил об этом при первой же встрече. Личные болезненные переживания в яркой художественной форме писатель переносил на страницы своих романов. По количеству героев-эпилептиков в произведениях он наверняка побил все литературные рекорды: Нелли – в «Униженных и оскорбленных», князь Мышкин – в «Идиоте», Кириллов – в «Бесах», Смердяков – в «Братьях Карамазовых».

А по реалистичности и точности описаний болезни заткнул за пояс именитых клиницистов. Была ли болезнь необходимым компонентом гения Достоевского? Стимулом к творчеству? Если да, то насколько существенным? Ясно одно: не будь болезни, Достоевский был бы иным человеком.

Увы, со временем у больного падучей портится характер – у него резко меняется настроение, доминируют депрессивность и мрачность, появляются бредовые идеи на религиозные темы и своеобразная «вязкость интеллекта». Типичным для эпилептиков немецкие психиатры считают упоминание о Боге (больные с другими формами болезни не так часто говорят о Боге, как эпилептики). Возможно, отчасти «христианский социализм» Достоевского начинается с клинических симптомов (например, его понятия греха и покаяния, его личная философия, вера в Бога).

По мнению врача-гомеопата, заведующей кафедрой фармакологии Института экологии и медицины в г. Киеве, доктора медицинских наук, профессора Наталии Костинской, болезнь Федора Достоевского напрямую связана с его конституциональным типом и чертами характера. Главная из них – раздвоенность: в нем всегда как будто существовало два противоборствующих человека. Развитый интеллект, духовность, сила веры сражались с одолевшими его страстями, чувственностью и отрицанием. Богобоязненность не мешала ему совершать преступления на бумаге. Искусствовед Райнхард Лаут в статье «Философия Достоевского в систематических изложениях» пишет, что писатель в глубине души близок к дурным героям, но из страха перед религией и собственной совестью обрекал их идеи и поступки на крушение. Одна из психосоматических причин эпилепсии – огромное внутреннее напряжение, невозможность выразить истинного себя, свои настоящие эмоции. Возможно, эпилептические припадки как раз и были внутренней разрядкой Достоевского.

Впрочем, на шестидесятом году жизнь Федора Михайловича прервала вовсе не эпилепсия, а легочное кровотечение. За два года до гибели врачи обнаружили у писателя прогрессирующую болезнь легких и рекомендовали избегать физических нагрузок и душевных волнений. Работая ночью 26 января 1881 г., Достоевский уронил на пол ручку. Пытаясь ее достать, он сдвинул с места тяжелую этажерку с книгами – напряжение в теле вызвало кровотечение из горла. Он прожил еще утро, день, а вечером умер. Смерть писателя вызывает достаточное количество вопросов, тем более что вскрытия не производили. Из возможных причин кровотечения и последующей смерти наиболее вероятными представляются две. Первая – рецидивирующая тромбоэмболия легочной артерии (ТЭЛА), которая чаще всего развивается именно после физического напряжения. Тем не менее ТЭЛА редко сопровождается существенным кровотечением, гораздо чаще бывает кровохарканье. Вторая причина – нераспознанный рак легкого, возможно, в сочетании с ТЭЛА.

Пожалуй, определить окончательный диагноз при скудности ретроспективных данных невозможно. Гений русской и мировой словесности прожил 59 лет, оставив нам прекрасные и в то же время непрестые для восприятия произведения. У Федора Михайловича была весьма своеобразная привычка: в трудной ситуации открывать наугад Евангелие и читать страницу слева, ища ответ на мучивший вопрос. В день смерти Достоевскому открылась страница из Евангелия от Матфея: «Иоанн же удерживал его... Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

Подготовила Виктория Куриленко

